
**«НЕКЛАССИЧЕСКАЯ» ПРОЗА:
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЗМА
(роман Евгения Замятина «Мы» в свете
теории архетипов К.-Г. Юнга)**

Кан Бен Юн

Кафедра истории русской литературы XX в.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
*ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1, стр. 51, 1-й учебный корпус,
Москва, Россия, 119991*

В статье рассматривается своеобразие психологизма в романе Е. Замятина «Мы» в контексте «неклассической» прозы. Не отказываясь от завоеваний реализма XIX века, Е. Замятин соединяет в романе исследование социальное и исследование психологическое, показывая одновременно отношения героя с внешним миром и его «внутренний» путь. Ключом к интерпретации психологической проблематики становится теория К. Юнга.

Ключевые слова: неклассическая проза, психологизм, теория архетипов, душевный город, теория К. Юнга.

Роман Е. Замятина «Мы», одним из основных предметов исследования в котором является становление личности, путь к осознанию собственного Я, появляется в период, когда русская психологическая литература переживает серьезные изменения. Еще сильна традиция «объясняющего» психологизма, достигшая своих вершин в романах Л. Толстого [2], но не менее сильно и влияние научных открытий З. Фрейда и К. Юнга, обращающих внимание писателя на область бессознательного, уводящих его от исследования отношений героя с «внешним» миром социальных связей в сторону изучения «театра души» персонажа, на подмостках которого сталкиваются разные психические проявления одной и той же личности. «Основная и общая тенденция в эволюции психологизма в литературе XX века, — отмечает Л. Колобаева, — это отталкивание от способов аналитических в пользу синтетических, уход от рационалистических приемов в пользу косвенных, сложно опосредованных и все пристальнее обращенных к сфере подсознательного» [5. С. 8].

На новые тенденции в развитии русской психологической литературы рубежа XIX—XX веков указывает, в частности, американский исследователь Джеймс Х. Биллингтон: характеризуя этот период истории русской литературы, он отмечает, что «определенное воздействие на новое искусство оказал и Фрейд, создавались пьесы, где персонажи представляли не разных людей, а разные уровни и аспекты одной личности» [1. С. 583]. Биллингтон говорит в первую очередь о театре начала века и имеет в виду пьесы Н. Евреинова [1], но в действительности круг произведений, персонажи которых разыгрывают драму одной души, более широк и выходит за рамки театра: пространство души, населенное персонажами-масками, соответствующими различным устремлениям и проявлениям личности, представлено, например, в символистском романе, и в частности, в «Мелком бесе» Ф. Солوغуба и в «Петербурге» А. Белого.

Е. Замятин, не отказываясь от завоеваний реализма XIX века, соединяет в романе «Мы» исследование социальное («человек в государстве») и исследование психологическое («государство в человеке»), показывая одновременно отношения героя с внешним миром и его «внутренний» путь, сопровождающийся открытием в себе самом различных сторон собственной личности и выстраиванием отношений с собственным Я.

В другом случае город, в котором разворачивается действие романа, становится реализацией пространства души героя. Такая функция образа города в литературе не является открытием Замятина. Впервые в истории европейской культуры взгляд на город как на символ человеческой души предложил Блаженный Августин в трактате «О Граде Божиим» («De Civitate Dei, ad Marcellinum»). В русской литературной традиции представление о городе как воплощении человеческой души восходит к Гоголю. В драматическом фрагменте «Развязка „Ревизора“» Гоголь писал о том, что появляющийся в комедии уездный город — это «наш же душевный город, и сидит он у всякого из нас» [3. С. 650]. «Душевный город» в гоголевском «Ревизоре» не противоречит образу города как социальной модели: писателю важно подчеркнуть и философско-психологическую, и социальную функцию образа. Подобное соединение функций мы наблюдаем и в упомянутых выше романах А. Белого и Ф. Сологуба и в романе Замятина «Мы».

Анализируя роль «душевного города» в замятинском романе, необходимо обратить внимание на концепцию бессознательного К. Юнга. В своих работах, и в частности в книге «Структура психики и процесс индивидуации», Юнг выделяет ряд основных архетипов, участвующих в процессе становления личности: это Ребенок, Мать, Анима (Анимус), Тень, Дух и завершающий индивидуацию архетип Самости. Таким образом, ученый называет, обозначает «маски», разыгрывающие действие, представленное в «театре души», и прочерчивает сюжет самого действия. Изменения, происходящие с героем Замятина, повторяют описанный Юнгом путь личности к Самости, следовательно, представляется возможным рассмотреть систему персонажей романа, сопоставляя ее с предложенной Юнгом системой архетипов.

Итак, город в романе «Мы» соответствует пространству человеческой психики: это «внутреннее» пространство героя Д-503, «населенное» фигурами, представляющими архетипы коллективного бессознательного, и являющееся полем столкновения разумного и стихийного начала в человеке.

Изначально в «душевом городе» Д-503, то есть в его психике, доминирует рассудок. Жизнь во всей своей сложности и красоте сведена для него к рациональному. Его внутреннее пространство — утопический город, воплощающий идеал «математически совершенной жизни» [4. С. 308], построенной по законам разума и подчиняющейся математической логике. Бессознательное в этом пространстве почти полностью подавлено, вытеснено за Зеленую Стену. Пространство «диких невидимых равнин» бессознательного лишь иногда дает о себе знать:

«Весна. Из-за Зеленой Стены, с диких невидимых равнин, ветер несет желтую медовую пыль каких-то цветов. От этой сладкой пыли сохнут губы... Это несколько мешает логически мыслить» [4. С. 308]

Завязкой сюжета индивидуации, началом пути, ведущего героя к Самости, к постижению собственного Я, является момент, когда Д-503 обнаруживает собственную, личную, «кровную» связь с диким миром за Стеной. Открытие бессознательного в самом себе происходит благодаря встрече героя с I-330, которую можно рассматривать как манифестацию Анимы Д-503, ведь с первых своих слов I-330 указывает на то, что она неразрывно связана с главным героем:

«И тотчас же эхо — смех — справа. Обернулся: в глаза мне — белые — необычайно белые и острые зубы, незнакомое женское лицо.

— Простите, — сказала она, — но вы так вдохновенно все озирали — как некий мифический бог в седьмой день творения. Мне кажется, вы уверены, что и меня сотворили вы, а не кто иной...» [4. С. 310]

Появление Анимы в образе I-330 — это попытка ввести *Эго* в соприкосновение с бессознательным. Анима в образе I-330 пытается заставить *Эго* почувствовать природу, музыку, узнать истинную любовь. В то же время Анима в облике I-330 несет в себе не только светлое, но и темное начало — отсюда сопровождающие ее образы черного рояля, черного платья, острых зубов, боли. Подобная амбивалентность характерна для описанных Юнгом архетипов: «Одновременно с открытием бессознательной сферы психики, — отмечает А.Я. Эсалнек, — Юнгом была зафиксирована полярность психических структур, то есть наличие противоположностей, противоречий...» [6. С. 90]

Анима выступает в романе также в роли гида. Она вводит Д-503 в Древний Дом-музей, где собрана коллекция бессознательного. В результате Анима провоцирует расшатывание рационального в структуре психики Д-503:

«Моя математика — до сих пор единственный прочный и незыблемый остров во всей моей свихнувшейся жизни — тоже оторвалась, поплыла, закружилась» [4. С. 374]. Герой начинает ощущать себя в одиночестве в мире, где господствует рациональное: «Но чувствую: живу отдельно ото всех, один, огороженный мягкой, заглушающей звуки, стеной, и за этой стеной — мой мир...» [4. С. 374].

Наконец, *Анима* выводит Д-503 через подземный ход в «дикий» мир бессознательного, т.е. в Зеленой Стене душевного города Д-503 образуется пробойна.

Иная функция в истории, разворачивающейся в «душевном городе» замаятинского романа, у персонажа, который обозначен буквой Ю. Ю — это воплощение мифического материнского монстра, которого герой мифа должен уничтожить в процессе инициации. Роль Ю в судьбе Д-503 сводится к роли *подавляющей и доминирующей матери*. Она охраняет вход в квартиру героя, читает его почту, охраняет его от Анимы. Она относится к Д-503 как к своему маленькому ребенку:

«И потом: если только вам это нужно — в этот день я буду около вас, я оставлю своих детей из школы на кого-нибудь другого — и буду с вами, потому что ведь вы, дорогой, вы — тоже дитя, и вам нужно...» [4. С. 389].

Роль тени-двойника главного героя играет в романе поэт R-13 (графическое изображение его имени представляет собой зеркальное отражение местоимения Я). Этот персонаж противопоставлен инженеру и математику Д-503 как носитель иррационального, «дикого» мировосприятия:

«Дальше — в комнате R. Как будто — все точно такое, что и у меня: Скрижаль, стекло кресел, стола, шкафа, кровати. Но чуть только вошел R — двинул одно крес-

ло, другое, — плоскости сместились, все вышло из установленного габарита, стало неевклидным... По Тейлору и математике он всегда шел в хвосте» [4. С. 334].

Кроме того, он воплощает в себе мужскую сексуальность. Она подчеркивается его негроидными чертами: «На меня — черные, лакированные смехом глаза, толстые, негрские губы. Поэт R-13, старый приятель...» [4. С. 333] и является соперником героя в любви к О-90 (тесная связь чувственных и творческих порывов — любимая тема Замятина).

Ракета «Интеграл», которую строит Д-503, — это вторая душа героя. Процесс строительства ракеты сопоставлен в романе с процессом рождения души Д-503. Полет «Интеграла» подобен его творческому полету, огонь ракеты — огню его страсти к I-330. Ракета — символ трансцендентного в романе. Это символ бессознательного, прорывающего преграды сознательного, огня, разрушающего сталь и стекло, энергии, противостоящей энтропии (любимые термины Замятина). Ракета ассоциируется в романе с такими понятиями, как природа, творчество, секс, рождение ребенка, психологический и политический бунт. Название ракеты — «Интеграл» — включает в себе некоторый парадокс. «Интеграл» — плод рационального, но в то же время это и плод творческой мысли, которая далеко не всегда рациональна, чаще иррациональна, подчас бессознательна. Таким образом, ракета представляет собой некий синтез рационального и бессознательного. Становясь средством побега из тюрьмы рационального, «Интеграл» отрицает самое себя.

Интересна роль, отведенная в истории города-души Благодетелю. Благодетель в представлении Д-503 обладает «нечеловеческой мощью» [4. С. 339], он всесилен, богоподобен, он вмешивается в судьбу своих «подданных», появляясь в критические моменты их жизни (казнь или допрос). Отнимая у героя фантазию, он тем самым освобождает Эго от деструктивного действия Анимы. Описание Благодетеля в романе сближает его с образом Бога и с архетипом Самости, представленным в работах Юнга как центр «целокупной психики», поиск и достижение которого — цель процесса индивидуации [7. С. 8] Но если этот рационалистичный, авторитарный руководитель Единого Государства является образом Самости, олицетворяя собой и центр, и все содержание души, откуда же тогда могут явиться I-330 и R-13? Некоторые исследователи в связи с этим замечали, что Великий Человек, или Самость, в некоторых мифах является ложной фигурой, имитацией истинной Самости, хотя такой Великий Человек в мифе абсолютно убежден в том, что он разрешил все противоречия Космоса. Победа Благодетеля (т.е. мнимой Самости) в художественном мире романа Замятина означает фиаско героя на пути к обретению Самости, победу рационального над бессознательным.

Таким образом, миф в романе Замятина не имеет того окончания, которое соответствует завершению процесса индивидуации в теории Юнга и которое характерно для мифов, отражающих этот процесс. В романе выживает монстр, а Анима умирает. Если провести параллели с античными мифами, то получается, что Персей не убивает Медузу и не спасает Андромеду. Побеждает не истинная, а ложная Самость. В психодраме, поставленной Замятиным, протагонист, представляющий собой образ современного человека, теряет последние истинно человеческие качества и возможности, которые в нем едва пробудились. Финал романа пессимистичен: получается, что писатель отрицает возможность победы настоящей Самости над самостью мнимой.

Процессы, происходящие в душе героя, представлены в романе «Мы» как история, разворачивающаяся в «рациональном» пространстве города, отделенном стеной от «дикого» мира бессознательного. Жизнь души, таким образом, не охарактеризована в романе напрямую, а показана через знаки-символы, которыми являются I, R, O, S, Ю и другие персонажи, отношения с которыми обозначают определенные этапы становления личности Д-503. Замятин создает свое произведение в рамках нового психологизма, не объясняя мотивы поведения или причины того или иного состояния героя, а «пряча» внутреннее пространство личности за образом города и предлагая читателю включиться в работу по интерпретации знаков психических процессов, характеризующих путь героя к Самости.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Биллингтон Дж.Х.* Икона и топор. — М.: Рудомино, 2001.
- [2] *Гинзбург Л.* О психологической прозе. — Л.: Советский писатель, 1971.
- [3] *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений в семи томах. Том 4. — М.: Астрель АСТ, 2006.
- [4] *Замятин Е.* Избранное. — М.: Правда, 1989.
- [5] *Колобаева Л.* «Никакой психологии», или фантастика психологии? (О перспективах психологизма в русской литературе нашего века) // Вопросы литературы. — 1999. — № 2. — С. 3—20.
- [6] *Эсалнек А.Я.* Архетип // Русская словесность. — 1997. — № 5. — С. 90—93.
- [7] *Юнг К.* Структура психики и процесс индивидуации. — М.: Наука, 1996.

«NONCLASSICAL» PROSE: PROBLEMS PSYCHOLOGY (novel Yevgeny Zamyatin «We» in light of K.-G. Jung's theory of archetypes)

Kan Ben Yun

Department of History of Russian Literature in the XX
M.V. Lomonosov Moscow State University
*Leninskie gory, MSU, 1, p. 51, 1 st Training Corps,
Moscow, Russia, 119991*

This study examined the originality of psychologism in the novel «We» written by E. Zamyatin in the context of Nonclassical Prose. In the novel, E. Zamyatin connected social and psychological point of view not refusing gains of realism of 19th century. In addition, he showed protagonist's outside world as well as introspection simultaneously. Psychological basis of this study is K. Jung's theory.

Key words: non-classical prose, psychologism, theory of archetype, the mental city, K. Jung' theory.